

· ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИССЛЕДОВАНІЯМЪ

5173

ПРИ УЧАСТІИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

НАЧАТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. О. Корша.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. КИРПИЧНИКОВА.

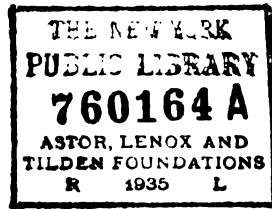
ТОМЪ ВТОРОЙ
ИСТОРИЯ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КАРЛА РИККЕРА.

Невскій просп., д. № 14.

1885.

(1020)

ВОН
105
100

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

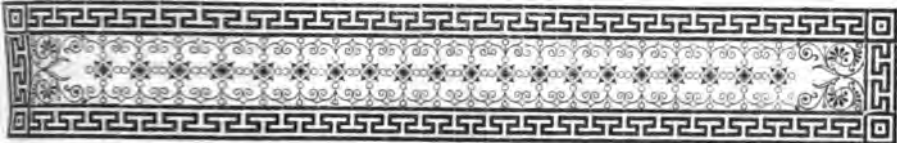
	СТРАН.
СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. <i>А. И. Кир- ничникова</i>	
I. Значеніе средних вѣковъ.—Предразсудки за и противъ нихъ.— Псевдоклассицизмъ и вѣкъ просвѣщенія.—Романтизмъ и изученіе на- родности.—Историки цивилизаціи и развитія европейской мысли.— Мнѣніе Конта.—Идеалы и дѣйствительность средних вѣковъ	3
II. Новыя народности на развалинахъ римской имперіи.—Новые элементы, внесенные ими въ исторію и литературу.—Многи и поэзія германскихъ народовъ.—Начало грамоты, Ульфила.—Нѣмецкій языкъ, его нарѣчія и первые памятники.—Образованіе романскихъ нарѣчій.	14
III. Борьба стараго съ новымъ на почвѣ античной цивилизаціи.— Литература и наука въ Византіи до Фотія.—Латинская проза и поэзія въ западной Европѣ отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго	38
IV. Значеніе Карла Великаго въ исторіи европейской цивилизаціи и литературы.—Сотрудники Карла Великаго.—Алкуинъ, его жизнь и сочиненія.—Павелъ Дьяконъ, Ангильбертъ, Эйнгардъ	72
V. Латинско-греческая цивилизаціи и христіанство на британскихъ островахъ.—Миссіонерство и школы.—Борьба британской и англо- саксонской церковей.—Беда.—Альфредъ Великій.—Скоттъ Эригена . .	97
VI. Девятый и десятый вѣка на западѣ Европы.—Господство духо- венства, монастырскія школы и монастырская литература при Каро- лингахъ и Оттонахъ.—Исторіографія.—Гербертъ.—Гросвита.—Разви- тіе національныхъ языковъ.—Духовная поэзія на родномъ языкѣ въ Англіи, Германіи и Франціи.—Состояніе науки и поэзій въ XI вѣкѣ.	114
VII. Германскій національный эпосъ.—Беовульфъ.—Миенческія и героическія пѣсни и саги Скандинавіи.—Пѣснь о Гильдебрандѣ.— Вальтарій.—Нибелунги.—Кудруна.—Цикль Дитриха Бернскаго . . .	146

VIII. Феодальный порядокъ.—Французскій эпосъ.—Цикль Карла Великаго.—Теорія кантиленъ.—Хроника Турпина.—Шёньо Роландъ.—Труверы и жонглеры.—Три эпохи въ развитіи французскаго національнаго эпоса.—Ронсевальскій романъ.—Три цикла.—Рауль Камбрейскій.—Цикль Вильгельма Оранжскаго.—Французскій эпосъ внѣ Франціи.	199
IX. Романы объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола.—Рыцарство и его связь съ поэзіей.—Хроника Британцевъ.—Жизнь Мерлина.—Бретонскія lais.—Иосифъ Аримафейскій.—Св. Граль. Кретьень де Труа.	235
X. Очеркъ исторіи арабской литературы <i>И. Н. Холмогорова</i> и <i>Г. А. Муркоса</i>	269
1. Арабскій языкъ и до-мусульманская литература	—
2. Мугаммеданскій періодъ арабской литературы. <i>И. Н. Холмогорова</i>	305
3. Новѣйшая литература арабовъ <i>Г. А. Муркоса</i>	374
XI. Южная Франція, ея культура и языкъ.—Народная поэзія въ Провансѣ и письменность духовныхъ.—Остатки провансальскаго эпоса. Развѣтїе лирики.—Поэты и пѣвцы.—Виды любовной лирики; сирвенты.—Вильгельмъ де Кабестанъ.—Петръ Видадь.—Бертранъ-де-Борнь.—Фламенка.—3-й періодъ провансальской литературы.—Сѣверно-французская лирика. <i>А. И. Кирпичникова</i>	380
XII. Эпоха Гогенштауфеновъ въ Германіи.—Первые миннезингеры.—Общій характеръ нѣмецкой рыцарской лирики.—Вельдеке; его современники и послѣдователи.—Вальтеръ ф. д. Фогельвейде.—Ульрихъ ф. Лихтенштейнъ.—Нитгартъ.—Тангейзеръ.—Паденіе лирики.—Мейстерзингеры.—Рыцарскій эпосъ.—Гартманъ ф. д. Ауэ.—Переработка легендъ.—Вольфрамъ ф. Эшенбахъ.—Готфридъ Страсбургскій. <i>А. И. Кирпичникова</i>	417
XIII. Состояніе науки въ XI в.—Росцеллинъ.—Ансельмъ.—Абеляръ и св. Бернаръ.—Арнольдъ Брешианскій.—Петръ Ломбардскій.—Іоаннъ Салисберійскій.—Умственное движеніе во второй половинѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.—Альбертъ Великій и Тома Аквинскій.—Рожеръ Беконъ.—Раймундъ Люлій.—„Великое Зерцало“.—Винценція Бове.—Наука въ XIV и XV вв.—Дунсъ Скоттъ, Вильгельмъ Оккамъ и мистика.	
Латинская поэзія въ средніе вѣка.—Ея формы въ Италіи и во Франціи.—Школьная поэзія.—Ваганты или голиарды; ихъ поэзія и проза.—Судьба поэзии голиардовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. <i>А. И. Кирпичникова</i>	446
XIV. Испанская поэзія въ средніе вѣка —Поэма о Сидѣ.—„Римованная хроника“.—Романсы.—Книга объ Аполлоніи Тирскомъ.—Берсео.—Сегура.—Альфонсъ Мудрый.—Поученіе клерiku.—Графъ Люканоръ.—Хуанъ Руицъ.—Конецъ XIV и XV в. въ Испаніи. <i>А. И. Кирпичникова</i>	503
XV. Литература и наука въ Византіи до латинской имперіи.—Македонская династія.—Фотій.—Константинъ Порфирородный и его вѣкъ.—Симеонъ Метафрастъ.—Общій характеръ письменности въ концѣ X и началѣ XI в.—Византійскій народный эпосъ.—Армуръ.—Девгенісъ.—Византія при Комненахъ.—Состояніе письменности во	

время крестовыхъ походовъ.—Романъ прозанческій.—Евстафій.—Романы въ стихахъ	536
Латинская имперія.—Ея вліяніе на византійскую литературу.—Старый рыцарь.—Исторія Бельтандра и Хризарты.—Исторія Либистра и Родамны.—Византійская литература при Палеологахъ. <i>А. И. Кирпичникова</i>	564
XVI. Символическая и дидактическая поэзія среднихъ вѣковъ.—„Романъ Розы“.—L'image du Monde.—Наставленія въ житейской мудрости и морали. <i>И. М. Болдакова</i>	606
XVII. Города.—Фабліо и швенки.—Мейстерзингеры.—Городскія хроники. <i>И. М. Болдакова</i>	673
XVIII. Нидерландская литература въ средніе вѣка.—Романъ о Ляфъ.—Марлантъ и его школа.—Kamers van Rethorica. <i>И. М. Болдакова</i>	703
XIX и XX. Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XIV вѣка. <i>П. О. Морозова</i>	768
XXI. Итальянская литература въ средніе вѣка. <i>И. М. Болдакова</i>	875
XXII. Англійская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ. <i>А. И. Кирпичникова</i>	898
XXIII. Средневѣковая драма. <i>А. И. Кирпичникова</i>	914
XXIV. Французская историографія въ средніе вѣка.—Вильгартуэнъ.—Жуанвиль.—Фруассаръ.—Французская лирика въ XV в.—Карль Орлеанскій.—Виллонъ. <i>А. И. Кирпичникова</i>	
XXV. Заключительная глава: Западная Европа наканунѣ возрожденія. <i>А. И. Кирпичникова</i>	

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

А. И. Кирпичникова.

I. Значеніе средних вѣковъ.—Предразсудки за и противъ нихъ.—Псевдоклассицизмъ и языкъ просвѣщенія.—Романтизмъ и изученіе народности.—Историки цивилизаціи и развитія европейской мысли.—Мысли Бюкка.—Идеалы и дѣятельность средних вѣковъ.

Историческая эпоха никогда не оцѣнивается по достоинству сей-часъ же послѣ ея завершения. Чѣмъ она обширнѣе, сложнѣе и значительнѣе, чѣмъ крѣпче связь ея съ послѣдующимъ, тѣмъ дальше отодвигается справедливый судъ надъ нею. Тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе греко-римской цивилизаціи и разрушеніе римской всемірной монархіи отъ Возрожденія и Реформаціи, находится въ этомъ отношеніи въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже до сихъ поръ едва ли найдутся два историка, которые опредѣляли бы одинаково значеніе такъ-называемыхъ *среднихъ вѣковъ*, если только ихъ не связываетъ единство школы.

Во всемъ этомъ разнообразіи взглядовъ есть извѣстная историческая послѣдовательность, такъ какъ оцѣнка прошлаго всегда обусловливается настоящимъ и его отношеніемъ къ этому прошлому. Прежде изложенія собственнаго взгляда, мы считаемъ не лишнимъ показать эту послѣдовательность и намѣтить главнѣйшія историческія школы, по скольку онѣ различаются въ этомъ отношеніи.

Само собою разумѣется, что отъ вѣка Реформаціи и Возрожденія не только нельзя ожидать сколько нибудь здоровой оцѣнки среднихъ вѣковъ, но и пониманія того, что средніе вѣка составляютъ нѣчто особое, цѣлое, что они имѣютъ свою опредѣленную фizioно-

мію. Въ недавнемъ прошломъ, какъ и въ настоящемъ, человѣкъ усматриваетъ больше детали, чѣмъ общую идею.

Понятно, что жаркіе поклонники античной жизни и искусства, противники схоластической науки и папства, къ только-что пережитой эпохѣ относились съ презрѣніемъ и озлобленіемъ; ихъ идеалы были даже не въ настоящемъ, а въ древнемъ мірѣ или въ далекомъ, неопредѣленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе именно въ это время являются первыя изслѣдованія по средневѣковой исторіи. Не говоря уже про итальянцевъ, для которыхъ возможность связать свое настоящее съ славнымъ прошедшимъ Рима была дѣломъ національнаго самолюбія, потомки разрушителей античной цивилизаціи—нѣмцы—обратились къ родной старинѣ. Нѣмецкій гуманистъ Яковъ Вимфелингъ пишетъ въ 1502 г. сокращенную исторію Германіи—*Epitoma Germanicarum regum* ¹⁾, не менѣе извѣстный основатель Рейнскаго ученаго общества, Конрадъ Целтисъ (умеръ въ 1508 г.), трудится много лѣтъ надъ огромнымъ сочиненіемъ—*Germania illustrata* и пр. Латинскій языкъ, на которомъ писали Вимфелингъ, Целтисъ и др., показываетъ, что они рассчитывали только на избранную публику, но Іоганнъ Турмайръ, обыкновенно называемый Авентиномъ (род. 1477 г., ум. 1534), пишетъ по-нѣмецки «Хронику о началѣ, происхожденіи и подвигахъ древнихъ нѣмцевъ» ²⁾, при составленіи которой онъ пользуется и памятниками старинной нѣмецкой поэзіи.

Эти факты, псвидимому противорѣчащіе общему презрѣнію къ «вѣкамъ жалкаго варварства», объясняются тѣмъ, что на такихъ здоровыхъ и нравственно свѣжихъ людей удивленіе передъ классической литературой подѣйствовало не подавляющимъ, а благотворнымъ, возбуждающимъ образомъ. Изученіе римскихъ и греческихъ историковъ возбудило, такъ сказать, историческій инстинктъ; уваженіе къ патриотизму римлянъ пробудило нѣмецкій патриотизмъ, а Тацитъ своей «Германіей» до извѣстной степени оправдалъ его. Такой патриотически-хвалебный характеръ историческихъ трудовъ гуманистовъ ясно видѣнъ даже въ самомъ заглавіи сочиненій гуманиста и новеллиста Гейнриха Бебеля, который въ 1501 г. написалъ «Похвальную рѣчь императору Максимилиану и Германіи» ³⁾, а въ 1504 — «Сокращенную исторію славы швабовъ» ⁴⁾. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, въ параллель извѣстному мѣсту Горация о герояхъ до Атрида и заключенію Ломоносова о «погрузившихся въ

¹⁾ См. *Hand. v. Raumer. Geschichte der german. Philologie etc. München. 1870, стр. 11.*

²⁾ *Chronika von vrsprung, herkommen und thaten der uralten Teutschen. Ibid., 20.*

³⁾ *Oratio ad regem Maximilianum de ejus atque Germaniae laudibus. Ibid., стр. 12.*

⁴⁾ *Epitoma laudum Suevorum.*

забвеніе» подвигахъ народовъ безграмотныхъ ¹⁾, авторъ говоритъ, что еслибы германцы, со времени Карла Великаго, имѣли исторію, подобныхъ греческимъ и римскимъ, то слава героевъ Германіи превзошла бы славу грековъ и римлянъ.

За періодомъ возрожденія классицизма въ искусствѣ наступилъ повсемѣстно періодъ ложнаго классицизма, въ продолженіи котораго интеллигентные люди Европы, за немногими отрадными исключеніями, всѣми силами старались позабыть національныя основы жизни и искусства. Весьма почтенная по своему трудолюбію, специально-кабинетная наука этого времени (отъ половины XVI до половины XVIII столѣтія), совершенно чуждая интересамъ общества, не была способна къ обобщеніямъ и потому не могла имѣть своего взгляда на средніе вѣка, хотя въ трудахъ Дюканжа, издателей «*Acta Sactorum*» и другихъ еще болѣе важныхъ памятниковъ подготовила для нихъ изученія незамѣнимый матеріалъ.

Вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ предвозвѣстниковъ революціи—преимущественно вѣкъ обобщеній; но эти обобщенія основывались не на фактахъ, а выводились апріорнымъ путемъ изъ логическихъ заключеній: потому-то они и были такъ непрочны и имѣли главнымъ образомъ отрицательное значеніе. Слабость такого метода, можетъ быть, яснѣй, нежели гдѣ бы то ни было, сказалась на той эпохѣ, о которой мы говоримъ. «Просвѣтителі» рѣшительно не понимали среднихъ вѣковъ и, замѣчая дѣйствительно пережившіе свое время притѣснительные или бессмысленные остатки средневѣковыхъ учрежденій, огульно порицали время ихъ возникновенія. Въ большинствѣ энциклопедическихъ словарей этого, преимущественно энциклопедическаго, времени напрасно будемъ мы искать: *Moyen Age*; кое-что о среднихъ вѣкахъ найдемъ мы подъ рубрикою: *Barbarie* и *Barbares*.

Даже въ разоренной и разобщенной Германіи, гдѣ, именно въ силу несчастныхъ условій настоящаго, слѣдовало бы ожидать вниманія къ славному прошлому, патріотическая тенденція Бебеля массѣ публики показала бы въ это время нелѣпостью. Въ 1753 г. два писателя изъ нѣмецкой Швейцаріи, Бодмеръ и Брейтингеръ ²⁾, попытались возбудить интересъ къ среднимъ вѣкамъ изданіемъ нѣкоторыхъ пѣсень миннезингеровъ изъ сборника, который они считали единственнымъ; но они жестоко ошиблись: только черезъ девять лѣтъ удалось имъ отпечатать свой сборникъ на деньги своихъ согражданъ, которые въ этомъ случаѣ руководствовались болѣе своими симпатіями къ издателямъ, чѣмъ къ издаваемому.

¹⁾ См. О пользѣ книгъ церковныхъ. Ср. Гор. Од. IV, 8.

²⁾ Объ ихъ дѣятельности на пользу изученія родной старины см. мою статью въ „Русск. Вѣстн.“ за 1874 г., томъ CIV.

Фридрихъ Великій былъ, безъ сомнѣнія, просвѣщенѣйшій нѣмецъ своего времени (потому онъ и владѣлъ въ такомъ совершенствѣ.... французскимъ языкомъ). Какъ смотрѣлъ онъ на средніе вѣка, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Въ 1782 г. Христофъ Гейнрихъ Мюллеръ издалъ въ первый разъ полный текстъ «Нибелунговъ» и посвятилъ свое изданіе королю Фридриху. Получивъ экземпляръ, Фридрихъ отвѣчалъ ему такимъ письмомъ: «Высоко-ученый любезный вѣрноподданный! Вы слишкомъ высоко цѣните издаваемые Вами стихотворенія XII, XIII и XIV вѣковъ, считая ихъ полезными для обогащенія нѣмецкаго языка. По моему же мнѣнію, *они не стоятъ заряда пороха*, и ихъ совѣмъ не зачѣмъ извлекать изъ пыли забвенія. По крайней мѣрѣ, въ моей собственной библіотекѣ я не могу терпѣть такой дряни и выброшу ее. Присланный мнѣ экземпляръ можетъ дожидаться судьбы своей въ большой берлинской библіотекѣ; едва ли его часто будутъ тревожить съ мѣста». «Если мы припомнимъ, говорить Раумеръ, что Людвигъ Тикъ былъ природный берлинецъ, что Гагенъ, Лахманъ, Яковъ и Вильгельмъ Гриммы читали лекціи въ берлинскомъ университетѣ, то убѣдимся, что предсказаніе великаго короля не исполнилось и что томики Мюллера тревожили очень часто». Черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ Вильгельмъ Шлегель въ томъ же Берлинѣ, передъ сочувствующей ему аудиторіей, ставилъ «Нибелунги», рядомъ съ гомерическими поэмами, во главѣ поэзіи всего міра!

Романтическая школа, литературно-политическая дѣятельность которой рѣзко окрашиваетъ первую четверть нашего столѣтія во всѣхъ странахъ западной Европы, радикально измѣнила взглядъ массы общества на средніе вѣка. Историческая критика изъ одной крайности бросилась въ другую. Подъ вліяніемъ тревогъ революціи и наполеоновскаго деспотизма, подъ вліяніемъ разочарованія въ выводахъ «просвѣтителей» и реакціи противъ чистаго разума, доселѣ глубоко презираемыя времена «темнаго варварства» вдругъ оказались золотымъ вѣкомъ, эпохой земнаго рая.

На самой границѣ новаго столѣтія, настроенный проповѣдями Шлейермахера, Новалисъ (Гарденбергъ съ 1772 по 1801 г.) такъ отзывался о среднихъ вѣкахъ: «Была славная эпоха, въ Европѣ былъ одинъ глава, который направлялъ и объединялъ всѣ политическія силы; подъ его непосредственной властью находилось духовенство—міръ устрояющее, къ небу путь показующее учрежденіе, возвыщавшее человѣчеству чудесно прекрасную, гуманную религію. Религіозное чувство въ средневѣковомъ, истинно католическомъ обществѣ было всеобщимъ, и мудрый глава церкви разумно противился дерзкому развитію на счетъ этого чувства другихъ человѣческихъ

способностей, противился и несвоевременнымъ, опаснымъ открытіямъ въ области знанія». Духовное и свѣтское благоденствіе, «гѣрмоническое развитіе всѣхъ наклонностей» (sic), повсюду цвѣтущая промышленность и торговля доказываютъ, насколько такой порядокъ вещей былъ сроденъ человѣческой природѣ.

По убѣжденію Фридриха Шлегеля, съ Рафаэля, Тиціана и Микель-Анджело начинается паденіе искусства; истинныхъ художниковъ можно искать только въ средневѣковыхъ монастыряхъ.

В. Шлегель, вообще чувствовавшій глубокую симпатію къ античной древности и понимавшій ее, превозноситъ средніе вѣка, какъ эпоху въ высшей степени поэтическую; онъ противопоставляетъ ее пошлой, прозаической современности, о которой онъ судить съ средневѣковой точки зрѣнія. Не будучи въ состояніи отрицать темныя стороны среднихъ вѣковъ, онъ скрадываетъ ихъ ловкой фразой: «при сильномъ свѣтѣ бываютъ и тѣни» ¹⁾.

Извѣстно, до какихъ крайностей дошли романтики въ области искусства и до какого обскурантизма въ области политики и религіи; гнѣвъ не менѣе ихъ увлеченіе средними вѣками дало очень благотворные результаты.

Во-первыхъ, они много способствовали возбужденію научнаго интереса къ родной старинѣ и народности, и если можно оспаривать ихъ вліяніе на такіе выдающіеся умы, какъ братья Гриммы и Лахманъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что масса заурядныхъ германистовъ и историковъ получила вкусъ къ своей специальности именно благодаря романтикамъ. Достаточно указать на такое крупное явленіе какъ Уландъ, который служитъ живымъ выраженіемъ сліянія романтической поэзіи съ изученіемъ родной старины и народности.

Во вторыхъ, среди не-специалистовъ, но просто образованныхъ людей они способствовали распространенію болѣе здравыхъ понятій о среднихъ вѣкахъ. Отшатнувшись отъ огульнаго осужденія, а потомъ и отъ огульнаго восхваленія этой эпохи, общество остановилось между двумя крайностями, гдѣ и лежитъ историческая истина.

Извѣстно, какъ ненавидѣлъ романтиковъ Гейне; извѣстно, что онъ преслѣдовалъ католицизмъ, пожалуй, еще съ большимъ ожесточеніемъ и съ большимъ остроуміемъ, чѣмъ Вольтеръ. Но какъ даже онъ отъ огульнаго порицанія «вѣковъ варварства», какъ исторически-объективенъ въ сравненіи съ умѣреннѣйшимъ изъ «просвѣтителей»!

«Христіанско-католическое міровоззрѣніе, говоритъ онъ ²⁾, было

¹⁾ R. Haym: Die romantische Schule. Berlin. 1870. См. стр. 464, 824 и др.

²⁾ Ueber Deutschland. Sämmtliche Werke, Hamb. 1875. VI, 21—28.

необходимо, какъ спасительная реакція противъ ужаснаго, колоссальнаго матеріализма, который развился въ римской имперіи и угрожалъ потопить все духовное достоинство человѣческой природы... Плоть въ римскомъ мірѣ дошла до такой наглости, что усмирить ее должна была христіанская суровая дисциплина... Не отъ раздѣленія на два царства погибъ Римъ; на Босфорѣ, какъ и на Тибрѣ, Римъ былъ уничтоженъ іудейскимъ спиритуализмомъ... Что лишаетъ силъ старика, то придаетъ ихъ юношѣ. Этотъ спиритуализмъ благотѣльно подѣйствовалъ на черезъ-чуръ здоровые народы сѣвера. Когда слишкомъ полнокровныя варвары одухотворились христіанствомъ, тогда началась европейская цивилизація. Католическая церковь, благодаря своему гениальному устройству, сумѣла укротить животность завоевателей и овладѣть грубой матеріей.»

Съ этимъ объективнымъ взглядомъ Гейне мы становимся на порогъ настоящаго положенія исторической науки. Разумѣется, мы и теперь еще встрѣчаемся нерѣдко съ одностороннимъ порицаніемъ среднихъ вѣковъ. Нѣкоторые новѣйшіе историки культуры и цивилизаціи, стоящіе исключительно на точкѣ зрѣнія экономической, прінятіе исключительно матеріальное благосостояніе, по отношенію къ нашему вопросу представляютъ реакцію противъ реакціоннаго же увлеченія романтиковъ. Извѣстный Дреперъ, подводящій умственное движеніе человѣчества подъ три категоріи: вѣры, изслѣдованія и разума, конечно, не можетъ относиться съ уваженіемъ къ среднимъ вѣкамъ. Античный міръ съ своей развитой философіей, съ александрійской наукой, арабы съ своей вѣротерпимостью и своими успѣхами въ положительныхъ знаніяхъ для него несравненно симпатичнѣе. Онъ слишкомъ недолго останавливается на вопросѣ о неизбежности разрушенія этого черезъ-чуръ положительнаго міра и на необходимости тысячелѣтнаго подготовленія къ новой цивилизаціи.

Еще рѣзче и откровеннѣе Дрепера высказывается Кольбъ, не скрывающій и своего исходнаго пункта: «Въ реакціонный періодъ, наступившій послѣ войнъ Наполеона I, стремились ослабить тѣ справедливыя упреки, которые человѣчество дѣлаетъ среднимъ вѣкамъ. Тогда исходили изъ того принципа, что все случившееся полезно, мало того: по Гегелю, даже разумно. Указывали на нѣкоторые отрадные явленія въ родѣ свободныхъ городовъ, самостоятельности сословій; этимъ явленіямъ можно противопоставить отвратительныя явленія въ родѣ истребленія еретиковъ, божьихъ судовъ, *juris primae noctis* и пр.» *).

Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Какъ въ вѣка римскаго цезаризма все человѣчество зависѣло отъ воли одного случайнаго деспота,

*) *Kolb: Culturgeschichte der Menschheit. Leipz. 1870. II, 2, и въ концѣ.*

такъ въ средніе вѣка высшей задачей народовъ и отдѣльныхъ личностей было служить игрушкою—въ рукахъ католическаго духовенства... Всѣ духовныя силы дародитѣйшихъ націй тратились на дикія проявленія фанатизма, на схоластическія глупѣйшія тонкости, на безумныя старанія сдѣлать землю мѣстомъ страданія, кудолью плача. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія католичество держало человѣка въ такихъ страшныхъ духовныхъ оковахъ, что по истеченіи этого долгаго времени онъ оказался ниже той ступени развитія, на какой его оставилъ древній міръ». Таковы результаты, а вотъ основы политическаго устройства:

«Основное явленіе средневѣковаго порядка вещей—завоеваніе. Изъ него естественное слѣдствіе—господство грубой силы, безконечныя войны, порабощеніе; отсюда феодальная система. Народъ лишенъ всякихъ правъ; только отдѣльныя сословія имѣютъ привилегіи. Число свободныхъ и полноправныхъ людей было очень невелико; масса народа представляла простой объектъ власти. Не говоря уже про то, что города добивались правъ не для народа, а для однихъ себя, внутри ихъ свобода и власть однихъ обуславливались стѣсненіемъ и рабствомъ другихъ. Католическая церковь умѣла отлично воспользоваться этимъ положеніемъ: чѣмъ хуже были матеріальныя условія жизни, тѣмъ невѣжественнѣе былъ народъ; чѣмъ невѣжественнѣе былъ онъ, тѣмъ легковѣрнѣе, тѣмъ легче было опутать его угрозами ада. Опираясь на невѣжество и суевѣріе массы, католицизмъ могъ вступить въ борьбу съ свѣтскими властями и одержать побѣду. А какъ воспользовался онъ этой побѣдой?! «По плодамъ ихъ познайте ихъ».

Совершенно иначе смотритъ на средніе вѣка—и, разумѣется, не изъ симпатіи къ романтикамъ или гегеліанцамъ—позитивная философія въ лицѣ своего главнаго представителя, Огюста Конта ¹⁾.

Контъ считаетъ средніе вѣка эпохой, откуда начинается общественное возрожденіе, временемъ прогресса главнымъ образомъ потому, что они ввели въ политику, гдѣ до сихъ поръ господствовала только грубая сила, нравственный принципъ. Стоящій въ сторонѣ отъ политики, но всѣми принятый кодексъ нравственности уравнивалъ сильныхъ и слабыхъ, господъ и рабовъ. Католическая церковь, открытая для всѣхъ, превосходно организованная монархически, лучше и гуманнѣе, чѣмъ древній Римъ, связывала отдѣльные народы и племена, которыя безъ этой связи могли бы обособиться до китаизма ²⁾. Католицизмъ ставилъ границы религіозному воодушевленію.

¹⁾ Cours de philosophie positive. V, 211 и слѣд.

²⁾ Тоже говоритъ и Лоранъ (Les barbares et le catholicisme. 2-de éd. 1864 года, стр. 235), который думаетъ, что хотя раздробленіе Европы было необходимо для обра-